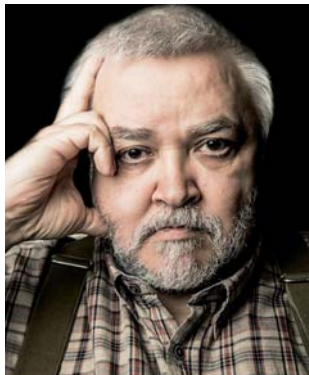

ЛИНГВИСТИКА: ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ

М.А. КРОНГАУЗ

mkronhaus@yandex.ru

д-р филол. наук, профессор

Национального

исследовательского университета

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия

Ключевые слова:

лингвистика, гуманитарные науки, междисциплинарность, иерархия наук, русистика

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.005

В статье рассматривается место лингвистики в иерархии гуманитарных наук в разные периоды времени в течение XX–XXI вв. Речь идет о роли лингвистики в мире, а ее усиление связывается с развитием междисциплинарных отношений разного рода. Междисциплинарность может возникать вследствие увеличения интереса к языку, лингвистическим методам, взаимосвязи языка и мышления, общества и т.п. Отдельно рассматривается ситуация в СССР, где престижу лингвистики способствовали и другие факторы, прежде всего социальный контекст. Отмечается, что сегодня лингвистика отчасти утратила свое высокое место в иерархии гуманитарных наук.

Лингвистика в мире: XX в.

В основу этой статьи лег текст доклада на круглом столе «Лингвистика и «нелингвистика»: как междисциплинарность меняет границы», проведенном 7 ноября 2019 г. в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

Несмотря на название круглого стола, речь в докладе и соответственно в этой статье идет не об объективных границах науки, а о субъективном ощущении места лингвистики в иерархии гуманитарных наук. Субъективность заключается в том, что мнение лингвистов и представителей других гуманитарных наук о лингвистике может в одни эпохи совпадать, а в другие – значительным образом различаться.

Начать имеет смысл с исторического экскурса, т.е. вспомнить те периоды в истории науки, когда лингвистика становилась одной из ведущих гуманитарных наук, занимая высокое место в их иерархии. Следует отметить, что «возвышение» лингвистики практически всегда связано с ее выходом в междисциплинарное пространство, хотя сам этот выход может происходить очень по-разному.

Так, в XIX в. – начале XX в. произошел так называемый лингвистический поворот в философии, связанный с работами М. Блэка, Л. Витгенштейна, Дж. Остина, Б. Рассела, П. Стросона, М. Шлика и других ([4, 17]). Философы обратились к языку как к основному объекту своей науки. И странным образом это подняло вес лингвистики и саму лингвистику на более высокую ступень, хотя лингвистика была в этой связке с философией ведомой. Но сам факт, что язык – объект лингвистики – стал актуальным объектом философии, оказался значимым и для лингвистики как таковой.

Многие философские работы первой половины XX в. стали значимым вкладом в лингвистику. Наряду с классическими философскими работами Б. Рассела и Л. Витгенштейна ([5, 6, 16]) необходимо упомянуть английского философа Дж. Остина, фактически основавшего самостоятельный раздел лингвистики – теорию речевых актов и опередившего в этом французского лингвиста Э. Бенвениста ([2, 3, 10]).

«Лингвистический поворот в философии» стал, таким образом, периодом расцвета лингвистики и, по-видимому, неслучайно почти совпал по времени с двумя другими ярчайшими примерами междисциплинарных тенденций, связанных с лингвистикой, а именно созданием семиотики ([12, 13]) и созданием структурной лингвистики ([1]). Если говорить о семиотике в сосюрвовском изводе, то именно лингвистика стала ее основой. Точнее говоря, семиотика стала своего

рода надстройкой над лингвистикой, используя ее методологический аппарат и включив объект лингвистики – язык – в ряд своих объектов, т.е. в ряд знаковых систем, но при этом очевидным образом как главную знаковую систему [8: 14–23].

Создание структурной лингвистики с ее особым методом и теоретическим аппаратом и позднее использование этого метода и теории в других гуманитарных науках привело к возникновению структурализма, в полной мере дисциплинарного направления, в рамках которого лингвистика заняла одно из главных мест [8: 247–251].

Назову еще одно научное событие, возвысившее лингвистику в XX в., хотя этот список может быть продолжен. Это гипотеза лингвистической относительности (гипотеза Сепира – Уорфа) и дискуссии о ней в научном мире. Пиком ее обсуждения были 50-е гг., т.е. время после смерти Э. Сепира и Б. Уорфа. В 1953 г. ученик Э. Сепира Х. Хойер организует знаменитую конференцию в Чикаго, посвященную гипотезе, в которой участвуют представители разнообразных гуманитарных наук: философии, психологии, антропологии... В 1954 г. выходят материалы этой конференции [15], а в 1956 г. – первый сборник работ Б. Уорфа [18]. Статус лингвистики снова вырастает, поскольку она становится лидером нового направления исследований, к которому подключаются и другие науки.

Лингвистика в СССР: вторая половина XX в.

В этом разделе я хотел бы обсудить более близкую к нам реальность как во времени, так и в пространстве, основываясь в большой степени на своих собственных наблюдениях и ощущениях.

В 1975 г. я поступил на легендарный ОСиПЛ – отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ и сразу почувствовал особое отношение и студентов, и преподавателей к лингвистике в довольно широком смысле этого слова. Оно включало и науку о языке, и место, где мы эту науку изучали, и даже само слово «лингвистика», которое противопоставлялось и «старым» названиям «языковедение» и «языкознание», и слову «филология». Это отношение можно назвать гордостью, связанной с ощущением участия в сверхважном процессе или, говоря более пафосно, ощущением причастности к чему-то очень важному.

Об упомянутых выше противопоставлениях слов следует сказать более подробно, поскольку они, с одной стороны, отражают принципы, лежащие в основе формирования структурной лингвистики в СССР во второй половине XX в.,

а с другой стороны, объясняют то ощущение собственной науки структурными лингвистами среди других гуманитарных наук, которое я попытался выразить в названии статьи словами «гордость» и «предубеждение».

Формирование структурной лингвистики в СССР началось в 50-е г. XX в. и выразилось, в частности, в резком и отчетливом размежевании лингвистики и филологии. Собственно, именно в эти годы лингвисты очень жестко отделились от филологии, что, в частности, было подчеркнуто образованием отделения теоретической и прикладной лингвистики, позднее ставшего отделением структурной и прикладной лингвистики, а сейчас вернувшегося к первоначальному названию. В основе этого административного действия лежала идея, что лингвистов надо готовить сразу отдельно от филологов, хоть и на том же факультете. И эта идея, в свою очередь, основывалась на междисциплинарности. Выход из филологии означал для лингвистики несколько принципиальных вещей: изменение объекта или по крайней мере смещение внимания (в центре оказывался языковой механизм), изменение методов исследования и качества описания. Удаление от филологии усиливалось сближением с математикой. Собственно, в это время и вошло в обиход трудно представимое ранее словосочетание «математическая лингвистика» [14].

В это время лингвистика удалялась не только от филологии, но и от других гуманитарных наук, что также порождало особую гордость за новую лингвистику. В Советском Союзе все гуманитарные науки находились под идеологическим колпаком марксизма, и вот лингвистам удалось через сближение с математикой отчасти выползти из-под этого колпака, т.е. начать деидеологизацию своей науки.

Отмежеваться пришлось не только от более общего понятия, но и от синонимов, связанных с идеологией. За старой и традиционной наукой о языке закрепились слова «языкознание» и еще более старое «языковедение». Именно слово «языкознание» использовалось для наиболее традиционных направлений: сравнительно-историческое языкознание, славянское языкознание – отсюда и названия традиционных кафедр, в частности, кафедры романо-германского языкознания. Для обновленной науки о языке и новых направлениях активно использовалось слово «лингвистика», практически невозможное в традиционных контекстах. Так, появилась лингвистика «математическая», «структурная», а позднее и «компьютерная», и «психолингвистика», и «социолингвистика», и «нейролингвистика» и многое другое. Синонимы «языкознание» и «лингвистика»

в подобных контекстах почти никогда не могли быть заменены друг на друга. Гордость за лингвистику выражалась и в подборе слов, но в этом же отражалось и предубеждение к филологии и к другим гуманитарным наукам, к их задачам и методам.

Популярность новой лингвистики в 50–70-е гг. была во многом удивительна. На сложные лекции с применением математических формул и строгих логических выводов приходили гуманитарии без математического образования. Трудно сказать, что было решающим фактором: сближение гуманитарной науки и математики, деидеологизация или просто мода, но лингвистика привлекала все больше adeptов, а лингвистам стал присущ определенный снобизм, результат сложения гордости и предубеждения.

Следствием популярности и престижности стало появление лингвистов в литературе и кино. Лингвисты появлялись в качестве персонажей и в это время и позже и при этом бывали и героями, и антигероями.

В первую очередь надо назвать братьев Стругацких. Один из героев их фантастической повести «Попытка к бегству» структуральный лингвист Вадим время от времени исполняет куплеты, посвященные этой героической профессии:

На войне и на дуэли
Получает первый приз –
Символ счастья и веселья –
Структуральнейший лингвист.

В других произведениях Стругацких также встречаются разнообразные отсылки к лингвистической тематике. Значительно менее симпатичны образы лингвистов в кино. В комедии Г. Данелии «Тридцать три» у героя, обычного советского человека, находят тридцать третий зуб, в результате чего с ним происходят различные приключения. Его отправляют на Марс (потом выясняется, что это ему снится), и среди провожающих появляется карикатурный профессор (по-видимому, пародия на Михаила Викторовича Панова), и между ними происходит такой диалог:

Профессор: Товарищ Травкин! Извините, что беспокою в такой момент, но очень важно! Скажите, как, по-вашему, нужно писать – заиц или заец?

Травкин: А как раньше писали, заяц, так что, нельзя, что ли?

Профессор: Совершенно исключено!

Травкин: Да пишите как хотите! Мне теперь все равно.

В фильме С. Говорухина «Ворошиловский стрелок» (1999) среди трех насильников оказывается студент, изучающий структурную лингвистику. Один из создателей ОСиПЛа

В.А. Успенский объясняет это так: «И кафедра, и отделение, которые были созданы, оказались бревном в глазу для всего остального факультета. Они раздражали. Они были какие-то не такие... Особенные. Раздражение засвидетельствовано в известном фильме Говорухина «Ворошиловский стрелок». Вы помните, что там происходит? Три мерзавца изнасиловали девочку. А кто эти мерзавцы? <...> Один – хозяин ларьков. Ясно, что хозяин ларьков – это априори сволочь. Второй – сын большого милицейского начальника. Тем самым тоже гад. А третий изучает в университете структурную и математическую лингвистику. Ясно же, что мерзавец! Он же, Говорухин, не выбрал человека, который изучает, допустим, химию» [11].

Конечно, сам этот пример едва ли свидетельствует о престиже лингвистики в 90-х, скорее об особом мнении режиссера и обострившейся в эти годы идеологической борьбе. Это уже другое, более позднее время, когда лингвистика существует в другом и научном, и общественном контексте.

Лингвистика в России: XXI в.

Последний раздел настоящей статьи наиболее субъективен. Насколько я могу судить, сегодня лингвист не может ощущать себя лидером среди других гуманитарных наук. Почему? Мы можем вспомнить вполне общественно признанные и даже благородные занятия лингвистов, но их конкретные результаты не интересны обществу. Так, одна из самых благородных задач современной лингвистики – это сохранение умирающих языков путем их документирования, т.е. путем записи текстов, фиксации языковых данных. В целом как задача это, конечно, обсуждается и поддерживается в обществе, в том числе и на государственном уровне, однако конкретные результаты общественного резонанса не вызывают и касаются в основном только тех людей, которые имеют отношение к документированному языку.

В компьютерной лингвистике достигнуты впечатляющие результаты, в частности, в области распознавания и порождения речи, а также в области автоматического перевода. Именно автоматический перевод стал методологической рамкой лингвистики 50–60-х гг. прошлого века и одновременно ее символом [17]. Однако сегодня все более очевидно, что решение задач, связанных с языком и реализацией компьютерных компетенций через программы, вообще говоря, обходится без лингвистов. Идея содержательного перевода, опирающегося на прохождении всех языков уровней в соответствии с моделью «Смысл – Текст», заменяется другими

принципами, связанными не с лингвистикой, а со статистикой. В центре этой методологии находится не лингвист, которого либо вытеснили на периферию, либо просто вытеснили, так что компьютерную лингвистику лишь условно можно называть лингвистикой.

На новый уровень выходит нейролингвистика, но и здесь существует огромный разрыв скромных и конкретных профессиональных задач и далеких целей, интересных дилетантам, а значит, и обществу в целом.

Потеря интеллектуального лидерства отчасти связана еще с одним процессом, о котором я писал, назвав его «кражей слова» [7: 109–115]. В 90-е гг. XX в. слова «лингвистический», «лингвист» и «лингвистика», по существу, были «украдены» у ученых («настоящих лингвистов»), т.е. стали активно использоваться для разных видов деятельности и профессий, связанных с языком, прежде всего с переводом. Именно тогда массово появились лингвистические университеты – бывшие институты иностранных языков. В русском языке новые значения потеснили старые, а лингвистом стал называться переводчик, работающий с несколькими или даже одним языком. Несмотря на всплеск популярности лингвистики в новом понимании, это был еще один удар по престижу науки о языке.

Сегодняшний разговор о междисциплинарности, т.е. горизонтальных связях лингвистики, – это еще одна попытка поднять уровень лингвистики в вертикальной иерархии гуманитарных наук. Это, например, касается включения лингвистики в область когнитивных исследований, но и здесь ее роль достаточно скромна, если мы говорим о значимости лингвистических результатов для общества в целом. Очень любопытно, что на наших глазах происходит выделение из лингвистики исследований русского языка, т.е. русистики. Именно изучение русского языка присутствует сегодня в общественном сознании как актуальная задача, и происходит это в контексте разговора о деградации и даже гибели русского языка. Собственно, эта ложная тревога и создает общественный резонанс. Но при таком подходе научные цели вытесняются целями образовательными.

Подводя итог, можно сказать, что из двух составляющих лингвистического снобизма – гордости за лингвистику и предубеждения к другим гуманитарным наукам – первое значительно ослабло или вовсе исчезло, а второе сохранилось как бы по инерции. Лингвистика перестала задавать новые тренды и образовывать междисциплинарные пространства, став во многом инженерной наукой, занимающейся конкретной реализацией великих идей прошлого. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
2. Бенвенист Э. Аналитическая философия и язык // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Бенвенист Э. О субъективности в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
4. Васильев В.А. Лингвистический поворот в философии // Философские науки. 2017. Вып. 1 (768).
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
7. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. 4-е изд. М., 2017.
8. Кронгауз М.А. Семантика. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005.
9. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1974.
10. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
11. Профессор Успенский: «А здесь я все-таки привык...». Часть II / Вокруг света. vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1326/.
12. Семиотика / Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 2004.
14. Успенский В.А. Труды по нематематике. Книга 3. Языкознание. М., 2013.
15. Language in culture: Conference on the interrelations of language and other aspects of culture / Hoijer H. (ed). Chicago, 1954.
16. Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy. London. 1919.
17. The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / R. Rorty (ed.). The University of Chicago Press, Chicago and London, 1967.
18. Whorf B. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / J.B. Carroll (ed.). Cambridge – London, 1956.

References

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
2. Benvenist E. Analiticheskaya filosofiya i yazyk // Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M., 1974.

3. Benvenist E. O sub"ektivnosti vazyke // Benvenist E. Obshchaya lingvistika. M., 1974.
4. Vasil'ev V.A. Lingvisticheskij povorot v filosofii // Filosofskie nauki. 2017. Vyp. 1 (768).
5. Vitgenshtejn L. Logiko-filosofskij traktat. M., 1958.
6. Vitgenshtejn L. Filosofskie issledovaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVI. M., 1985.
7. Krongauz M.A. Russkij yazyk na grani nervnogo sryva. 4-e izd./ M., 2017.
8. Krongauz M.A. Semantika. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2005.
9. Mel'chuk I. A. Opyt teorii lingvisticheskikh modelej «Smysl ↔ Tekst». M., 1974.
10. Ostin Dzh.L. Slovo kak dejstvie // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVII. M., 1986.
11. Professor Uspenskij: «A zdes' ya vse-taki privyk...». Chast' II / Vokrug sveta. vokrugsveta.ru/telegraph/theory/1326/.
12. Semiotika / Pod red. Yu. S. Stepanova. M., 1983.
13. Sossyur F. de. Kurs obshchej lingvistiki. M., 2004.
14. Uspenskij V.A. Trudy po nematematike. Kniga 3. Yazykoznanie. M., 2013.
15. Language in culture: Conference on the interrelations of language and other aspects of culture / Hoijer H. (ed). Chicago, 1954.
16. Russell B. Introduction to Mathematical Philosophy / London, 1919.
17. The Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method / R. Rorty (ed.). The University of Chicago Press, Chicago and London, 1967.
18. Whorf B. Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / J.B. Carroll (ed.). Cambridge – London, 1956.

M.A. Krongauz

LINGUISTICS: PRIDE AND PREJUDICE

Linguistics, humanities, interdisciplinarity, hierarchy of sciences, Russian studies.

The article considers the place of linguistics in the hierarchy of the humanities in different periods of time during the XX–XXI centuries. It is about the role of linguistics in the world, and its strengthening is associated with the development of interdisciplinary relations of various kinds. Interdisciplinarity may arise as a result of increasing interest in language, in linguistic methods, in the relationship between language and thought, society, and so on. The situation in the USSR is considered separately, where other factors, primarily the social context, contributed to the prestige of linguistics. It is noted that today linguistics has partially lost its high place in the hierarchy of the humanities.